

Сяо Чунь уже было собрался заговорить, как вдруг резко вскинул голову. Гу Цзюэ почувствовал, как его тело напряглось, словно заметив что-то, и Сяо Чунь медленно обернулся.

В тот самый момент, когда Гу Цзюэ увидел вошедшего, его глаза широко раскрылись: совсем неподалеку, неизвестно когда появившись, стоял Сяо Юй и мрачным взглядом наблюдал за ним и Сяо Чунем, прижимавшим его к себе.

У Гу Цзюэ от неожиданности даже перехватило дыхание. Инстинктивно он попытался снова оттолкнуть Сяо Чуня, но тот оказался быстрее. Едва взглянув на Сяо Юя, Сяо Чунь разомкнул объятия, плавно поднялся на ноги, отвесил Сяо Юю поклон и с легкой улыбкой в голосе произнес:

— Стоило ли ожидать такой встречи, братец, какое удивительное совпадение.

Его тон был настолько непринужденным, что в нем совершенно не осталось и следа от недавнего приказа отравить наложницу Ли.

Гу Цзюэ вовсе не желал знать, какие счета сведены между этими двоими царственными кузенами, и уж тем более не хотел выяснять, почему Сяо Чунь втайне покушался на ребенка наложницы Ли и в чьих интересах он это делал. Сейчас его волновало лишь одно — то, что Сяо Чунь отпустил его, принесло долгожданное облегчение.

Взгляд Сяо Юя даже не задержался на Гу Цзюэ. Смотря прямо на Сяо Чуня, он холодно обронил:

— Пришел навестить вдовствующую императрицу?

Его голос звучал ровно, как во время самой обыкновенной беседы.

Кивнув, Сяо Чунь откликнулся:

— Разумеется, нагрянул засвидетельствовать почтение матушке-императрице. Слышал от нее, что братец как раз пожаловал ей свежий чай нового сбора, вот я и решил бесцеремонно заглянуть на чашку. Проходил мимо и как раз застал этого маленького евнуха за наказанием — чашка разбилась... — он внезапно замолк и добавил: — Ишь ты, а у этого евнуха ладная фигурка, да к тому же в маске — любопытно. Он что, из твоих людей, братец?

В груди Гу Цзюэ шевельнулось недоброе предчувствие. К чему клонит Сяо Чунь?

Вспомнив, как издали заметил обнимающего Гу Цзюэ Сяо Чуня — и то, с какой готовностью Гу Цзюэ позволил себя обнимать, — Сяо Юй почувствовал, как в его глазах промелькнул леденящий холод.

— Ладная фигурка? Если бы эти слова услышала вдовствующая императрица, боюсь, ей пришлось бы поволноваться.

Сяо Чунь беспечно отмахнулся, словно это само собой разумеющееся:

— Лишь бы потомству не вредило, а так — баловство одно. Если этот евнух не на особом счету у брата, не одолжишь ли его мне?

От услышанного у Гу Цзюэ едва не остановилось сердце.

В памяти мгновенно всплыли слова Сяо Чуня о том, что он заберет его тело и уведет из дворца. И вот теперь, прямо на глазах у Сяо Юя, он открыто выпрашивает его!

Гу Цзюэ невольно покосился на Сяо Чуня, но маска на его лице скрывала мимику куда надежнее собственной, не позволяя прочесть ни единой эмоции.

Между тем взгляд Сяо Юя, заметившего, как внимательно Гу Цзюэ вглядывается в Сяо Чуня, стал еще более непроницаемым и темным.

— Всего лишь евнух. Раз уж он тебе приглянулся, я, разумеется, не стану жадничать. Вот только мне не улыбается отвечать за то, что ты его испортишь, да и выслушивать потом упреки вдовствующей императрицы не хочется. Если он тебе так нужен, возьми у нее императорский указ — тогда и забирай человека на здоровье.

В голове у Гу Цзюэ потемнело. Он просто не верил своим ушам: неужели Сяо Юй действительно мог произнести такое?

Разве он не жаждал отомстить за Гу Ляньюэ? Разве не затем держал его при себе, чтобы терзать и мучить? И вот теперь, когда всё только началось, он способен без единого дрожания в голосе отдать его Сяо Чуню?

Но если подумать, Сяо Юй ведь не знал, что они с Сяо Чунем уже встречались раньше. Похоже, сегодня он решил, что Сяо Чунь просто положил глаз на приглянувшегося слугу — обычное дело среди преуспевающей знати, когда приглянувшегося раба запросто преподносят в подарок.

Сяо Юй унижал его с каким-то ожесточенным упорством. Точно как он и сказал: всего лишь евнух. Он и впрямь видел в нем лишь вещь, которой можно так легко распорядиться и отдать другому...

Гу Цзюэ даже не понимал, от чего именно сейчас разрывается его сердце. Разве он не знал с самого начала, что Сяо Юй к нему холоден и безжалостен?

Просто теперь он согласился подарить его Сяо Чуню.

Его тело всё равно уже запятнано, и, пожалуй, в глазах Сяо Юя созерцание того, как его топчут другие, принесет лишь еще большее наслаждение от мести?

Душа Гу Цзюэ рухнула в ледяную бездну. Сяо Юй — император, его слово закон. Когда-то давно Гу Цзюэ отверг предложение Сяо Чуня: пусть он и гнал от себя эту мысль, но в глубине души всё еще теплилось желание хранить верность Сяо Юю. Кто бы мог подумать, что в конце концов Сяо Юй собственными руками преподнесет его Сяо Чуню.

Тяжесть на сердце становилась невыносимой. Опустив голову, Гу Цзюэ услышал разочарованный голос Сяо Чуня:

— Коли братец не хочет отдавать, так тому и быть. Если я еще стану выпрашивать у вдовствующей императрицы указ, этот раб ко мне так и не попадет, зато она снова примется пилить меня насчет женитьбы. С меня хватит, пожалуй, откажусь от этой затеи.

Сяо Чунь говорил с предельной легкостью:

— Тогда я откланяюсь, братец.

Сяо Юй кивнул.

Появился Сяо Чунь легко и непринужденно — словно и впрямь проходил мимо, — и исчез так же легко. На месте остался лишь по-прежнему стоявший на коленях Гу Цзюэ да Сяо Юй, чье лицо после ухода Сяо Чуня сделалось еще мрачнее.

Устремив взгляд на осколки разбитого фарфора, валявшиеся на земле, Сяо Юй холодно бросил Гу Цзюэ:

— Он ушел. Не жалеешь?

Он сам собрался отдать его другому ради собственного унижения — и после этого смеет спрашивать, не жалеет ли он?

Напустив на себя нарочитое спокойствие, Гу Цзюэ ответил:

— Рабам не положено о чем-либо жалеть, на всё воля Вашего Величества.

С огромным трудом сдерживаемые эмоции Сяо Юя вмиг вышли из-под контроля. Резко шагнув к Гу Цзюэ, он грубо рывком поднял его на ноги.

От неожиданного рывка Гу Цзюэ качнулся, и его саднящие, онемевшие руки пронзила острая боль; он инстинктивно попытался вырваться и оттолкнуть Сяо Юя.

Почувствовав этот отпор, Сяо Юй помрачнел еще сильнее:

— А ты, оказывается, та еще ветреная шлюха! Стоило лишь заикнуться, как уже губы раскатал? Без мужиков жить не можешь? Запомнил что-то, как я недавно ласкал тебя в Зале Цяньюань? Мало? До того охоч до мужчин? Стоит заставить тебя коленапреклоненной стоять в

наказание, как ты тут же принимаешься строить глазки первому встречному — тебе что, лишь бы мужик рядом был?

Каждое слово отдавалось в душе Гу Цзюэ жгучим, омерзительным стыдом. Он уже привык к тому, что в глазах императора он — грязь. И это казалось естественным, ведь в конце концов он и сам теперь чувствовал себя последней тварью.

Но ведь он никогда, никому другому не выказывал подобной нежности. Если он и позволял себе унижаться, то лишь потому, что любил его всем сердцем; он никогда не льстил никому постороннему.

Он — молодой господин клана Гу из Байюйцзина! Его с детства лелеяли и носили на руках, разве стал бы он унижаться перед кем-то, кто не является его возлюбленным?!

Но неужели сейчас он должен заявить обратное?

Станет ли он перед человеком, который его не любит, приблизившимся лишь ради мести за Гу Ляньюэ и жаждущим лишь новых издевательств, клясться в том, что отныне будет хранить ему верность?

В отчаянии Гу Цзюэ оборвал все струны внутри себя:

— Ваше Величество сами только что разрешили наследному княжичу забрать меня. Раз уж вам так любопытно смотреть, как я нахожусь с другими мужчинами, то раб всецело покоряется вашей воле.

Сяо Юй никак не ожидал, что Гу Цзюэ вот так во всем признается!

Он в открытую заявляет, что желал уйти с Сяо Чунем! В памяти с новой силой всплыла сцена, как Сяо Чунь прижимал его к себе. Взмешенный Сяо Юй мертвой хваткой вцепился пальцами в горло Гу Цзюэ, вглядываясь в его глаза:

— Гу Цзюэ! Повтори еще раз!

Уголки губ Гу Цзюэ под маской скривились в горькой насмешке. Наблюдая за бушующей яростью Сяо Юя, он словно видел человека, которого так тревожит мысль о том, что он может достаться кому-то другому.

Хотя это же он сам оттолкнул его, теперь он принимает такой вид.

Гу Цзюэ уже не знал, с каким выражением лица смотреть на Сяо Юя, и выдавил лишь:

— Слушаюсь, исполню волю Вашего Величества. Повторю еще раз: раз уж Вашему Величеству любопытно видеть меня в постели с другим, раб безропотно подчинится.

Сяо Юй вглядывался в эти пустые, безмятежно-холодные глаза Гу Цзюэ.

Стоило лишь разок перекинуться парами слов с Сяо Чунем, как он уже перестал его чураться? Значит, глядя на Сяо Чуня, он и впрямь мечтал уйти с ним?

Лицо Сяо Юя почернело окончательно. Струна в его груди натянулась до предела, а в глазах проступила откровенная злоба. Холодно глядя на стоящего перед ним человека, он процедил:

— Что ж, сам напросился. — Обернувшись, Сяо Юй леденящим душу голосом приказал Ван Хая: — Поди приведи пару парней из Императорской гвардии.

Гу Цзюэ замер в оцепенении. Что значит — привести пару парней из Императорской гвардии? Почему от одной этой мысли внутренности сжались от жуткого предчувствия?

И это предчувствие оправдалось мгновенно. Сяо Юй потащил его в боковой покой Зала Цяньюань, где действительно стояла широкая кровать. Сяо Юй грубо швырнул его на постель, отчего у Гу Цзюэ в голове всё закружилось от удара, а снаружи раздался голос вернувшегося Ван Хая:

— Ваше Величество, люди доставлены.

У дверей замерли пятеро гвардейцев из Императорской стражи, еще не до конца понимая, зачем именно император потребовал их присутствия.

Глядя на сброшенного на ложе Гу Цзюэ, Сяо Юй на мгновение нахмурился, в его глазах промелькнула тень испуга, сменившаяся приступом странного, жгучего злорадства: пусть знает страх.

Давно пора было проучить его страхом, иначе в другой раз ему и впрямь хватит наглости заигрывать с кем попало!

Скользнув взглядом по пятерым гвардейцам, Сяо Юй спокойно приказал:

— Пожалую этого человека вам на забаву.

Сердечный толчок отозвался в груди Гу Цзюэ страшной болью. Не веря собственным ушам, он остолбенел, глядя на Сяо Юя. В этот момент в ушах зазвенело, мысли в голове превратились в густую кашу, сквозь которую он во все глаза наблюдал, как пятеро мужчин, получивших императорский приказ, нерешительно переминаясь, шагают внутрь.

А Сяо Юй продолжал смотреть на него, на то, как Гу Цзюэ безмолвно взирает на приближающихся солдат. Прежде он ведь противился его ласкам, говорил нет — а теперь перед другими у него не нашлось ни единого слова возражения?

Вспышка злорадства в груди Сяо Юя внезапно исчезла без следа, лицо помрачнело, а в голосе прорезалось раздражение:

— Чего встали, живо!

Гвардейцы переглянулись и протянули руки к Гу Цзюэ.

Глядя на этих пятерых рослых громил, вставших прямо перед ним — с тем лишь отличием, что Сяо Юй стоял за их спинами, — Гу Цзюэ перевел взгляд на императора. Тот смотрел на него с совершенно бесстрастным лицом.

Насколько же нужно ненавидеть человека, чтобы вот так приказать другим надругаться над ним и спокойно стоять в стороне, наблюдая?

Пока эти мысли вихрем проносились в голове, один из гвардейцев уже потянул завязки его одежды. Стоило одежде евнуха распахнуться, как обнажилось тело, усыпанное отметинами недавней страсти. Какое же восхитительное у Гу Цзюэ тело — Сяо Юй, познавший его, знал это лучше всех, а со свежими следами оно выглядело еще более соблазнительно.

Гвардейцы, изначально смущенные тем, что им велено разделить постель с евнухом, в тот самый момент, когда увидели его кожу, вмиг переменились в лице, и их дыхание стало тяжелым.

А внутри Гу Цзюэ уже поднималась волна тошноты. До чего же абсурдно: когда Сяо Чунь предлагал ему сделку в обмен на это тело, он отказался, а теперь ему суждено быть растоптанным чужими людьми, да еще и по прямому приказу самого Сяо Юя!

Сопротивляться? Ему безумно хотелось дать отпор. В голове в ту же секунду пронеслись десятки способов защиты.

Например, можно было улучшить момент, пока гвардейцы потеряют бдительность, выхватить у кого-то из них меч на поясе и застать их врасплох; или же, если не удастся расправиться с ними, лишиться жизни себя — перекусить язык для него сейчас, конечно, не убило бы мгновенно, но по крайней мере надежно защитило бы чистоту.

Перебрав все возможные исходы, Гу Цзюэ на глазах у Сяо Юя и пяти гвардейцев медленно закрыл глаза и полностью расслабился.

Стоит ли ему сейчас дорожить этой истерзанной оболочкой? Пусть лучше Сяо Юй, насытившись зрелищем его поругания, выпустит пар и наконец оставит в покое его семью!

Ему отведено так мало времени. Если за этот мизерный срок удастся купить близким безопасность ценой собственного унижения, он сочтет это справедливой платой.

Однако в ту секунду, когда он закрыл глаза, Гу Цзюэ не заметил, как брови Сяо Юя резко сошлись на переносице, а в глазах промелькнуло дикое, неистовое неверие.

Пусть минутой ранее Сяо Юй и называл Гу Цзюэ ветреным, но даже отгоняя мысли об истинных чувствах Гу Цзюэ, он отлично понимал, насколько сильно тот дорожит им.

Гу Цзюэ постоянно твердил о любви, уверял, что носит его в сердце — так почему же теперь, столкнувшись с другими, он не выказал ни малейшего протеста?

Он ведь хотел всего лишь напугать его, преподать урок, чтобы впредь ему неповадно было крутить хвостом перед другими мужчинами! Пусть он привел его во дворец ради мести, но ведь Гу Цзюэ — его человек! Как он мог позволить кому-то другому касаться того, к чему прикасался он сам?

А теперь он собственными глазами видит, как эти гвардейцы распускают руки.

У Гу Цзюэ безупречно белая кожа: пусть он сильно исхудал, но изъянов на теле не было. Сяо Юй касался его совсем недавно — а теперь чужие руки шарят по тем же самым местам.

Дыхание Сяо Юя стало судорожным и частым. Увидев чужие ладони на теле Гу Цзюэ, он едва не сорвался с места, чтобы выхватить клинок и отрубить эти проклятые руки!

Но перед глазами всё еще стоял образ покорного Гу Цзюэ, не оказавшего никакого сопротивления. Он ведь сам затеял эту казнь — почему же теперь так люто скрежещет зубами от бессильной ярости?!

Ярость застилала глаза. Скрипя зубами от вида чужих пальцев, неспешно скользящих по чужой коже, Сяо Юй взревел:

— Вы что, все тут тупицы?!

От этого окрика у Гу Цзюэ, чье тело и так одеревенело, по спине побежали леденящие мурашки.

Что, они недовольны медлительностью?

Гу Цзюэ уже смирился. Ему казалось, что его дух и плоть давно разорваны надвое — еще тогда, когда он перестал ожидать от Сяо Юя чего-то светлого, когда узнал, что тот делит с ним ложе лишь ради мести, и когда впервые познал его насильственные ласки. Последующие унижения лишь закрепили это расщепление.

Он ведь принял неизбежное, подготовил себя мысленно, но реальное ощущение продажи собственного тела оказалось куда страшнее фантазий. Когда незнакомые грубые руки

скользнули по его коже, а чужое прерывистое дыхание обожгло ухо, его зажало тисками невыносимого оцепенения — вся его показная покорность мгновенно обратилась в прах.

Медленно приоткрыв глаза, Гу Цзюэ тусклым, потухшим взором окинул этот сюрреалистический кошмар вокруг, а затем — стоявшего за спинами стражников Сяо Юя. Лица императора сквозь плотную шеренгу тел было уже не разглядеть, но он знал, что тот здесь. И пусть мимика оставалась скрыта, Гу Цзюэ мог легко догадаться, какое выражение отвращения застыло на его лице.

Неужели он и впрямь считает его шлюхой, готовой лечь под каждого?

В груди Гу Цзюэ неожиданно всколыхнулось извращенное желание отомстить: если он грязно отдастся другим прямо на его глазах, может, после этого Сяо Юй побрезгует прикасаться к нему снова?

Подобно единственной сладкой конфете после горького лекарства, каждое объятие Сяо Юя прежде оставляло шлейф призрачной надежды на то, что тот когда-нибудь сможет вытравить из сердца обиду.

Быть может, отныне единственным чувством между ними должна стать лишь чистая, всепоглощающая ненависть — так было бы правильнее?

Разрывая сердце на куски, Гу Цзюэ заставил себя шевельнуться. Протянув руку к стоявшему ближе всех гвардейцу, он с затаенной дрожью в голосе произнес с деланной легкостью:

— Император гневается, поторопитесь.

Взгляд его слегка изогнутых глаз метнулся из-под маски — пусть лица разглядеть было нельзя, но даже этого мимолетного взгляда хватило, чтобы у потерявшего голову от вожделения мужчины помутился рассудок. Схватив протянутую руку Гу Цзюэ, тот навалился сверху.

Стоило чужому телу придавить его, как Гу Цзюэ почувствовал, будто внутри него оборвалась последняя живая струна. Глаза застила пелена жгучих, слепых слез, и он снова зажмурился, не желая показывать кому-либо свою слабость.

Но в следующую же секунду раздался испуганный крик, тяжелая туша свалилась с него, отброшенная мощным пинком Сяо Юя. Вздвогнув, Гу Цзюэ распахнул глаза и увидел Сяо Юя с налитыми кровью белками и диким, звериным оскалом на лице:

— Вон отсюда!

От неожиданности Гу Цзюэ замер. Вспыхнувший переполох стих мгновенно: вся толпа людей вымелась из покоя в одно мгновение.

В наступившей тишине было слышно лишь тяжелое, сбивчивое дыхание Сяо Юя — того самого, кто не стерпел вида чужого тела на своем человеке:

— Ты пытался меня испытать?

Пристально глядя на растерянное лицо Гу Цзюэ, Сяо Юй понял по этой растерянности, что его догадка вновь оказалась неверной.

Гу Цзюэ боялся. Поначалу он безусловно испытывал страх, но он не сопротивлялся!

Сяо Юй решил, что тот раскусил его блеф и просто решил плыть по течению, полагаясь на то, что император не допустит его гибели прямо здесь и сейчас.

Но эта неподдельная растерянность в глазах словно смеялась над всеми его сложными умозаключениями: тот вовсе не думал, что над ним просто шутят, он был искренне уверен, что император отдаст его на растерзание пятерым солдатам — и при этом даже не попытается сопротивляться?!

Разум и тело Сяо Юя сработали раньше, чем он успел подумать: в ярости набросившись на Гу Цзюэ, он прижал его к ложу и прорычал глядя сверху в самые глаза:

— Гу Цзюэ! Ты — мой человек!

Его руки сжались с такой невероятной силой, что у Гу Цзюэ заныли руки от боли. Но в таком положении ему оставалось лишь смотреть в лицо Сяо Юю и слушать его слова. Смысл фразы «ты пытался меня испытать» он не уловил, но зато следующее заявление — «Гу Цзюэ! Ты — мой человек!» — прозвучало предельно ясно.

— По словам Вашего Величества, раз я — ваш человек, то в подобных обстоятельствах я не должен был покорно принимать участь, а обязан был отчаянно сопротивляться? Или даже предпочесть смерть ради сохранения чести?

Сяо Юю показалось, что в этой логике что-то не так, но ухватить суть он не мог. Глядя в почти безразличные глаза Гу Цзюэ, он отрезал:

— Разумеется!

Произнеся это, Сяо Юй почувствовал, что прежнее ощущение неправильности исчезло, уступив место железной правоте.

Да! Именно так! Он потому и бесился минуту назад, что Гу Цзюэ не оказал ни малейшего сопротивления от начала и до конца!

Гу Цзюэ принадлежит ему. Пусть нелюбимый, но он — человек, познавший его ласки. Раз он

его раб, у него должно быть хоть капля самоуважения, чтобы в смертельный момент отчаянно защищать свою чистоту!

Разве он не любит его? Тогда охранять свою чистоту ради него — разве не это его прямой долг?

Глядя на эту железобетонную уверенность на лице Сяо Юя, Гу Цзюэ почувствовал, как сердце обливается кровью, а на лице проступает горькая складка:

— Только потому, что я люблю тебя, ты позволяешь себе так бессовестно топтать меня, требуя при этом вывернуть душу наизнанку?

В его взгляде проскользнуло нечто похожее на мольбу. Хотя чувствам и не прикажешь, перед лицом Сяо Юя он полностью утратил право на собственное «я», вынужденный вымаливать даже то, что казалось очевидным.

И тот ответ, который дал Сяо Юй, в ту же секунду нанес Гу Цзюэ смертельный удар.

<http://bllate.org/book/21167/2144648>